Автор: admin
18.02.2011 14:22 -

Кто укладывает твой парашют?

Шла вьетнамская бесславная война. Бесславная-то она – бесславная, но это не умаляет бранного подвига наших мужчин и женщин в униформе, как не умаляет подвига советских ребят в Афганистане ошибка партийной верхушки со вводом войск в эту мятежную страну. Агрессии совершают правительства, а кровь льется солдатская. С обеих сторон. И геройства совершаются воинами обеих воюющих сторон. И потери несут обе стороны. И плачут матери по обе стороны фронта. Война, будь она неладна.

Эта притча-быль обошла все интернет-сайты США. Она никого не оставила равнодушным. В том числе и меня. А я захотела поделиться своими размышлениями с читателями. Захотела вместе с ними поразмышлять над ответом на вопрос: «Кто укладывает твой парашют?».

Пилот морской авиации США Ричард Плам совершил уже 75 боевых вылетов, когда его боевая машина «Китти Хоук» была сбита снарядом «земля-воздух» над рисовыми полями Вьетнама. Офицер выбросился с парашютом и приземлился прямехонько в руки вьетнамцев – на 6 лет плена в коммунистических застенках.

Закончилась война, и Ричард Плам, живой и невредимый, вернулся на родину. Стал преподавать в военном училище. Я могу только представить себе, какие сны снились этому человеку, пережившему войну и шесть лет кошмара военных лагерей. Как он вытравливал из себя эти воспоминания. Как странно и страшно было ему от пасторальных картинок стриженых газонов без колючей проволоки. Как шарахался он от мирно гуляющих на поводках собак по этим стриженым газонам. Как болезненно он вписывался в мирную жизнь.

В один из дней Ричард и его жена зашли в ресторан поесть. Подошел к ним официант принять заказ, и вдруг уставился на Ричарда, и, улыбнувшись, сказал:
«А ведь ты – сбитый во Вьетнаме пилот Плам с авианосца «Китти Хоук».
«А разве ты знаешь меня?» – спросил удивленный Ричард Плам.
«Я тот, кто укладывал твой парашют», – улыбаясь ответил ему официант.

Что случилось с душой пилота в этот момент, ведает только он сам!

Поднявшись со стула, бывший пилот и бывший узник протянул руку официанту: «Матрос, ты спас мне жизнь, а я еще не сказал тебе спасибо. Если бы не ты, меня бы не было уже давно на этом свете. Прими мои слова благодарности, матрос».

Эта встреча многое перевернула в сознании Ричарда. Думы о людях, укладывающих наши парашюты, не отпускали его. Ему, еще не переболевшему войной, еще не избывшему ужасы плена, пришлось переболеть еще одной болезнью – болезнью раскаяния и стыда. Он, белая косточка, морской пилот, элита морской авиации США и простой матрос, который где-то в тесном брюхе авианосца аккуратно и бережно укладывал шелка и стропы парашюта на паковочном столе. Матрос, с которым офицер морской авиации даже не был визуально знаком – слишком отдельные касты, слишком велика социальная разница. Матрос, которого Плам не отыскал в первую же очередь после возвращения на родину, чтобы пожать ему руку. Матрос, чье имя он никогда не пытался узнать...

Я не психолог, но душой чувствую, что именно эти мысли, это чувство стыда и горького сожаления о своей гордыне, небрежительности, неблагодарности, черствости и помогли излечиться Пламу от войны и плена. Ему открылись иные истины. И человек ожил душой. И стал нести эти мысли сначала своим курсантам, потом начал читать лекции о том, кто складывает наши парашюты, по всей стране. И находил отклик в сердцах людей. И притча-быль о парашютах стала на сегодня одной из любимых притч о доброте и любви в нашей стране. И моей любимой, в том числе. Надеюсь, что станет и вашей.

Прав был великий Хэм: человек – не остров. И колокол всегда звонит и по тебе. Все мы взаимосплетены стропами этих парашютов. Я и мой автомеханик, мой автомеханик и его поставщик деталей, его поставщик деталей и рабочий у конвейера, рабочий и его окулист, окулист и его оптометрист, жена оптометриста, испортившая ему настроение перед работой, и ее доморабoтница, пролившая кофе на скатерть за завтраком. Мы завязаны на планете в такой морской узел, что каждый является и причиной, и следствием, и началом, и концом, и проблемой, и решением ее. Каждый из нас укладывает чьи-то парашюты и наоборот. Возвратно-поступательный мир. Ресипрокальная данность. Петля Мёбиуса.

Сколько я помню своих школьных учителей по имени? Сколько одноклассников? Сколько имен медсестричек, фамилий врачей, водопроводчиков... Часто летая, я начисто забываю имена и фамилии пилотов и штурманов, отвечающих за безопасность моего полета. Рейс наряду с другими такими же. А помню ли я имя человека, вернувшего еще в Ленинграде мою потерянную сумку с документами? (А как бы сейчас было ему

приятно, что через почти 30 лет я бы позвонила ему и еще раз сказала свое спасибо!) Помните ли вы, читатели дорогие, имена людей, укладывавших ваши парашюты?

В Америке очень принято рассылать друг другу приколы, картинки, прочую сетевую чепуху. Эпидемия как началась, так уже переросла в пандемию, а вот Плам меня спрашивает и как в воду смотрит: а много ли ты написала вдогонку с этим приколом от себя лично? Написала ли что-то вообще? Сколько раз в день ты сказала еще одно личное спасибо укладчику своего парашюта?

Когда-то в мое время в России шутили: «Не спорь с тем, кто укладывает твой парашют». Ричард Плам предлагает нам другую истину-мораль: найди того, кто укладывает твой парашют, разыщи его, догони его и скажи ему простое спасибо. Скажи ему лично от себя. Было уже одно спасибо? Мало. Скажи еще одно. Пожалуйста. Тогда кто-то разыщет-догонит и тебя. Кто-то пришлет тебе прикол с личной припиской. Кто-то вспомнит о твоем дне рождения. Кто-то спросит о здоровье детишек. А ты в ответ – его спросишь. И тогда все парашюты будут раскрываться без осечки. Мир без осечек. Планета без осечек.

Мне мало моей оплаты за укладку твоего парашюта. Не хлебом единым. Я жду от тебя еще и личного спасибо. Я нуждаюсь в этом. И тебе мало твоей зарплаты за прочистку моего водопровода. Ты хочешь, чтобы я догнала тебя на лестнице и еще раз поблагодарила тебя. Лично. Именно тебя. Нам всем очень не хватает этого личного спасибо. Тем мы и отличаемся от зверей, да и то говорят: «Доброе слово и кошке приятно». Давайте их не жалеть. Давайте будем сорить ими почем зря направо-налево, как загулявший купчишка. Оно никогда не лишнее и всегда уместно в деле укладывания наших парашютов. А жить, ах, как страшно! Как страшно жить!

Нам говорят о разобщенности современного мира, об одиночестве человека в каменных джунглях, об опустошенности урбанистического мира, о крайнем солипсизме нынешнего поколения, о расслоении общества, об утрате киплинговского «мы одной крови – ты и я». А Ричард Плам показывает нам другую картину: мы – парашютоукладчики друг друга. Если колокол зазвонит по убиенному ребенку в секторе Газа, то он зазвонит и по тебе. Если ракета угодила в стену госпиталя Ашдода, то она угодила в тебя. («А первая пуля, а первая пуля, а первая пуля, братцы, ранила меня». А вторая, будь спок, тебя поймает). Мы – звенья одной замкнутой в себе цепной реакции. От нас зависит заставить протекать эту реакцию на пользу друг друга. Ты – свое спасибо мне, я – мое спасибо ему, он – свое спасибо другому...

У нас есть еще наше «вчера». Есть, но уже быстротечно заканчивается наше «сегодня». (Остановись, мгновенье! Тормози. Колодочки новые поставлю. Ну?). А от «завтра» у нас есть всего кусочек вероятности «завтра». Невозможно иметь то, чего еще нет, что еще не настало. Оно может и не наступить совсем. Поэтому спеши разыскать-догнать и поблагодарить сегодня, прямо сейчас того, кто укладывает твой парашют. Мы одной крови – ты и я, парашютоукладчик.

Автор - **Виктор Фролов**
Источник